

К вопросу о прагматике инвективных этнонимов в современном политическом дискурсе России и США

Статья посвящена рассмотрению особенностей языковой экспликации инвективных этнонимов в российском и американском политическом дискурсе. Анализ речей политиков и статей СМИ показал, что этнофолизмы, как правило, употребляются для унижения оппонента по национальному признаку и являются одним из методов навешивания ярлыков. При этом российскому политическому дискурсу присуще более активное употребление инвективных этнонимов.

Ключевые слова: инвективный этноним, этнофолизм, политический дискурс, коммуникативная интенция, ярлык

Проведённый лингвистический анализ особенностей развития современного англо- и русскоязычного политического дискурса показал, что как тексты политической направленности в традиционных и интернет-СМИ, так и речи отдельных политиков характеризуются ярко выраженной ориентацией на формирование оценочных суждений. По справедливому замечанию М. Н. Володиной, выбор языковых средств в политическом дискурсе зачастую детерминирован оценкой, стремящейся воздействовать на адресата, и системой концептуальных, образных и эмоциональных характеристик [1, с. 39]. Действительно, в публичном пространстве политический язык преимущественно используется как способ воздействия на слушающего с целью произвести определенные изменения в восприятии им того или иного явления, актуального для текущей повестки дня.

Как правило, политики выбирают инвективную стратегию, в основе которой лежит стремление понизить социальный статус адресата, уровень его самооценки или нанести моральный урон. Кроме того, В. И. Жельвис указывает, что инвектива преследует и практическую цель – добиться изменения поведения адресата [2, с. 23].

Под инвективой (от лат. *investiva* – «бранная речь») традиционно понимается «резкое, оскорбительное выступление против кого-либо, чего-либо, оскорбительная речь, выпад» [3, с. 93]. Это культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста [4]; [5].

Однако, несмотря на латинскую этимологию данного слова, инвектива как жанр появилась еще в Древней Элладе. Дальнейшее развитие этот жанр получил в риторических школах Древнего Рима, где студенты упражнялись в составлении язвительных выпадов (в стихах или прозе) против мифологических пер-

сонажей, определенных предметов или тем. Одной из самых известных является «Инвектива против Марка Туллия Цицерона», написанная древнеримским историком Гаем Саллюстием Криспом в 54 г. до н. э.: *Да нет же – ничтожнейший человек, проситель, заискивающий перед недругами, а друзей склонный оскорблять, стоящий то на той, то на другой стороне, не сохраняющий верности никому, ничтожнейший сенатор, наёмный защитник в суде, человек, у которого нет ни одной неосквернённой части тела: язык лживый, руки загибающиеся, глотка бездонная, ноги беглеца; то, чего из стыдливости не назовёшь, тяжело обещано* [6, с. 77]. Следует подчеркнуть, что инвектива стала чрезвычайно популярной формой политической борьбы в Римской империи. Образцами политической инвективы считаются речи Цицерона против Луция Сергия Катилины (63 г. до н.э.), Публия Клодия (61 г. до н.э.) и Луция Кальпурния Писона (55 г. до н.э.).

Новый виток развития политической инвективы приходится на конец XVIII в., когда Вольтер, Дидро и другие видные деятели эпохи Просвещения писали свои обличительные произведения против церкви, монархии и дворянства. Инвективными по своей сути являлись и первые политические газеты, появившиеся в период Великой французской революции. Это связано с тем, что общественное предназначение политического дискурса заключается во внушении адресатам (гражданам страны в целом, избирателям, сторонникам политической партии и т. д.) «политически правильного» мнения и оценки.

Таким образом, главной целью «насыщения» инвективной лексикой современного политического дискурса является её использование в качестве оружия политической борьбы, направленной на дискредитацию, ложное обвинение и унижение оппонента. При этом исследователи выделяют два вида инвективы: 1) непровольная инвектива как неконтролируемая эмоциональная реакция; 2) сознательное употребление инвективной лексики для унижения противника и демонстрации своего более высокого статуса.

Политический дискурс России и США с недавних пор изобилует инвективными этнонимами, нацеленными на унижение государства-противника. С одной стороны, это коррелирует с представлениями о членении окружающего мира посредством универсальной дихотомии «свой – чужой» [7, с. 34]. С другой – использование этнофолизмов вышло за рамки интернет-дискурса, где пользователи зачастую оскорбляют своих оппонентов по национальному признаку (*Хохлы, пшеки, прибалты и прочие гондурасцы без вас кацапов в своих делах, до 1939 года успешно уж разбирались. Скоро на незалежных с весь мир будет смотреть как на прокаженных клонов вашего Гаранта! Место хохла на стройке у пшека. We would be fools to consider Chinkis as our friends or well wishers. Like niggers, they're too stupid to vote for Trump. I hate niggers, kikes, bean bellies, and spics, Chinks too! Guinea-pigs, dago pigs and Irish pigs are all the*

same, super-sexed idiots). Это связано с тем, виртуальная свобода снимает с коммуникантов чувство ответственности за свои слова, ассоциируясь прежде всего со вседозволенностью, отсутствием правовых и этических норм.

Инвективные этнонимы все чаще используются как в ходе диалога с конкретным лицом (журналистом, политическим обозревателем, политологом), так и с массовой аудиторией во время предвыборных кампаний, публичных выступлений, дебатов и т. д. По нашему мнению, публичное употребление инвективных этнонимов в политическом дискурсе имеет сознательный характер, рассчитано на широкий общественный резонанс и бурную реакцию со стороны оскорбленной стороны. С. Е. Юрков полагает, что использование данного типа этнонимов нацелено на «хаотизацию действительности», а публичность является неотъемлемой частью «театрализованной субстанциальности» [8, с. 20].

Огромную популярность в российском политическом дискурсе 2010-2020-х гг. приобрел этнофолизм *«хохол»*, используемый политиками разных уровней в различных коммуникативных ситуациях. В частности, глава российской партии ЛДПР В. В. Жириновский в одном из выпусков телевизионного политического шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» привел следующий анекдот: *«Хохлы – странные люди: молятся на европейцев, работают на евреев, умирают за американцев и за все это ненавидят русских»*, с целью выражения своего критического отношения к украинским политикам. 3 июля 2015 г. Facebook удалил пост заместителя главы Роскомнадзора М. Ксензова, в котором он написал, что *«хохлы иногда такие хохлы»*.

Следует отметить, что данный этнофолизм неоднократно использовался на самом высоком уровне. Например, во время пленарного заседания экономического форума, прошедшего в Санкт-Петербурге 23 мая 2014 г., Президент РФ В. В. Путин иронично отметил следующее: *«Пока все санкции сводятся к тому, чтобы выбрать из моего окружения близких мне людей, моих друзей и, как у нас интеллигенция говорит, уконтропунить как следует, т. е. наказать их. Непонятно за что. Они не имеют отношения к событиям на Украине, в Крыму. И выбрали-то, как специально, двух евреев и одного хохла... Как издеваются»*. На наш взгляд, употребление данного инвективного этнонима полностью оправдано коммуникативной интенцией оратора. С одной стороны, он выразил свою обеспокоенность вмешательством стран ЕС и США во внутренние дела Украины и усилением антироссийских санкций, с другой – постарался создать обстановку доверительного общения посредством шутки с инвективным этнонимом. Хотя надо отметить, что прозвище типичного представителя украинской нации – *«хохол»* в конкретном случае не является инвективой, так как служит для номинации человека, входящего в близкое окружение Президента.

В политическом дискурсе США самым запрещенным этнонимом, разумеется, является этнофолизм *«nigger»*. Задолго до событий #Black Lives Matter

лексемы «*black*» и «*Afro-American*» заменили так называемое *N-Word*, которое практически исчезло со страниц СМИ и из интернет-пространства. Однако оно до сих пор употребляется американскими политиками высшего ранга. Так, по заявлению Омаросы Маниголт-Ньюман, директора по связям с общественностью в администрации Президента США Дональда Трампа, последний неоднократно употреблял слово «*nigger*» во время шоу «*Celebrity Apprentice*». Дональд Трамп всячески опровергает данное утверждение, поскольку обвинение в расизме подрывает его политический авторитет и снижает доверие избирателей. Вместе с тем различные синонимы данного слова до сих пор активно функционируют в американском сленге [9].

Проведенный анализ употребления инвективных этнонимов в современном политическом дискурсе России и США позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего политики и журналисты используют этнофолизмы целенаправленно, стремясь тем самым вызвать у оппонента раздражение, разжечь конфликт, задеть национальную гордость и чувства того или иного этноса. Однако если такие единицы используются в юмористическом контексте, служат для создания атмосферы неофициального общения, то их сложно отнести к инвективам. Также следует подчеркнуть, что для российских представителей власти и СМИ более характерно употребление инвективных этнонимов, чем для их американских коллег. Несмотря на то что оба государства являются мультинациональными, в России националистические лозунги и идеи по-прежнему находят отклик среди определенных групп потенциальных избирателей, тогда как в США обвинение в расизме может поставить крест на политической карьере говорящего.

В целом в политическом дискурсе этнофолизмы являются одним из распространенных средств навешивания политических ярлыков. Подобные ярлыки объединяют людей в определенные группы (так называемые *in-groups*), с последующим созданием предпосылок для формирования этнических стереотипов и предубеждений против членов других групп (*out-groups*) [7, с. 33].

В заключение хочется отметить, что социальные институты (СМИ, политические партии и объединения), причастные к выработке тех или иных когнитивных паттернов в социуме, должны нести полную ответственность за возможные последствия создания того или иного этнического стереотипа, используемого в политической риторике.

Литература

1. Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008. 760 с.
2. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи (Психолингвистическая интеграция речевого воздействия). Ярославль: ЯрГУ, 1990. 81 с.

3. Арапова Н. С., Кимягарова Р. С. Словарь иностранных слов. М.: Цитадель, 1999. 784 с.
4. Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом А. А. Грицанов, 2003. 1280 с.
5. Cherkasova M. N., Patyukova R. V., Kudinova T. A., Olomskaya N. N. The Language of Insult: The Conflict of Interpretations (Linguo-Juridical Approach to the Problem) // *Man in India*. 2017. Vol. 97(15). P. 527–538.
6. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / пер., вступ. ст. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Ладомир, АСТ, 1999. 222 с.
7. Marunevich O. V., Kononenko A. P. The "In-Group – Out-Group" Binary Opposition as the Criterion for Identifying the Out-Group Members in the Folk Model of the World (Based on Slavic Languages) // *Russian Linguistic Bulletin*. 2020. N 2(22). P. 33–37.
8. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб.: Летний Сад, 2003. 210 с.
9. Marunevich O. V., Kotlyarenko I. Yu., Bessarabova O. N., Shefieva E. Sh., Bobrova T. O. Cognitive-Contrastive Analysis of Somatism-Based Ethnophaulisms in English and Russian [Электронный ресурс] // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*, Springer, Cham, 2021. Vol. 198. P. 501–509. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_57

УДК 81

*А. А. Новикова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет*

Методы корпусной лингвистики в терминоведении

В статье рассматривается значение методов корпусной лингвистики для решения лексикографических и терминологических задач. Отмечаются особенности работы с инструментами для автоматического извлечения терминов-кандидатов из текстового корпуса.

Ключевые слова: терминоведение, термин, терминосистема, корпус текстов, язык для специальных целей, терминология

Корпусная лингвистика является активно развивающимся направлением в языкознании. Методы корпусной лингвистики используются для решения задач машинного перевода, терминоведения, лексикографии и терминографии. Специальная, терминологическая лексика фиксируется в специальных словарях, поэтому возникло новое направление – терминография, связанное с лексикографией и терминоведением. «Терминография связана с терминоведением, поскольку предметом анализа в обоих случаях является термин» [2, с. 8].